

Москва
Театр
Ленком

Узбекистан. — 1999. — 29 апр. — 29.4.99
— 25

Хождение за три моря

Московский театр «Ленком» вернулся из Японии

Несколько лет назад известные в мире режиссеры организовали первую театральную олимпиаду, которая прошла в Греции. С 16 апреля по 13 июня нынешнего года в Японии идет вторая олимпиада — на нее приедут спектакли из 42 стран. Открыла ее «Чайка» Марка ЗАХАРОВА и поэтому наш разговор начался со Страны восходящего солнца.

— Олимпиаду начали мы, китайский режиссер Чжан Чжунсюэ и ведущий театральный деятель Японии Тадаки Судзуки, поставивший «Сирано де Бержерака».

— Который носит кимоно, кричит «кйай!» и фехтует на катангах...

— Элементы европейского дизайнера и европейского костюма в спектакле тоже присутствовали — это был достаточно дерзкий синтез традиций старого японского театра с современными поисками. Сам Судзуки исповедует то, что и я говорю артистам, — он считает что сегодняшнему человеку необходима защита от деформирующего нашу психику мощного информационного потока, погружающего людей в иную, виртуальную реальность.

И театр становится одним из способов такой защиты — его секрет состоит в живом энергетическом контакте артиста со зрителем. Здесь Судзуки проводит параллели со спортом. Мы очень волновались, так как понимали, что прямого словесного контакта со зрителями у нас не будет — иероглифический перевод шел «бегущей строкой». Этого оказалось достаточно — Чехов невероятно популярен в Японии, и «Чайка» там широко известна. Зал очень тонко реагировал на актерские приспособления, на неожиданную смену человеческих нюансов — мы чувствовали плотное, упругое «энергетическое поле», термодинамический сомнительный, но режиссеры вообще люди немножко ненормальные. Мы получили очень большую эмоциональную встряску — наш спектакль японцам понравился. Ближе к финалу зрители плакали, бросали на сцену цветы, нас узнавали на улицах. А переводчица-японка сказала даже, что ее завятная мечта выйти за русского! — «чтобы мучить».

Мы сразу стали подписывать артиста, но с сожалением, все они уже были женаты... Японцы становятся другими: они больше не хотят вести мурлыкающую жизнь и двадцать лет отдавать деньги на строительство собственного дома...

— Зато такая жизнь началась у нас:skalваем, корчим, откладываем на старость. А время меняется каждые пять лет: врос, обустрился, расслабился — и будь добр начать все сначала...

— Абсолютно с вами согласен. Я каждую репликацию изначаю с этих слов: то, что было важно лет десять тоу назад, сейчас никому не нужно. Термин «киповое мышление» плох, но оно существует: теперь неинтересны бытовые подробности, не надо ничего оправдывать и подробно объяснять. Художественной информации сегодня так много, что человек, включающий телевизор, знает, чем кончился сериал, репортаж или телеспек-

Марк Захаров

такль, — подсознание моментально подбрасывает ему тричетыре дальнейших варианта. Сейчас будет выстрел или поцелуй, а может быть, ревется с места вот эта машина...

Борьба с изощренным зрительским прогнозом стала одной из особенностей нашего времени. Удержат внимание зала, пройти роковую седьмую минуту действия, когда зритель подсознательно решает для себя, не ступил ли он, придя на спектакль, нелегко. Я каждый раз определяю для себя, почему зритель не должен уйти в антракте. В «Варваре и еретики» на крыле выносит Чурикову, выходит Броневой — и тут кончается первая часть. Уходить слуго...

— А что же Душа и Искусство — не все ведь сводится к эмоциональной партитуре? Или вашему сегодняшнему зрителью они не важны?

— Они нигде не делись — но для того, чтобы человек подтолкнулся к театральному зрелищу, сегодня нужно проявить очень большую изобретательность. Как только он заскучает, все будет потеряно, а этого очень трудно избежать. Все мы, к сожалению, тяготеим к шлше, а сегодняшняя улица непреддказуема...

— И в обществе, и в человеческих головах все безнадёжно перемешалось. Не так давно большинство московских театров заполняли люди, которые все потеряли, а х вам в «Ленком» в основном ходили те, кто все приобрел. Сейчас картина изменилась: снова наступает время чиновных стариков, а тридцати-, сорокалетние клерки, менеджеры и банкиры становятся вечерними людьми...

— Мне так не кажется. У наших касп по-прежнему выстраиваются очереди, наш зал полон. Театр зависит от общества, но развивается вполне автономно: в самый худший послереволюционный момент когда все стало ясно, к чему привел 1917 год, появилась «Принцесса Турандот». И молодые люди вовсе не стали «вечерними». Я ошибаюсь, поступаю не так, как надо, и мне очень помешало общение с молодыми, начинающими режиссерами, которым я препода-

ваю в Российской академии театрального искусства. Троцкий замечательно сказал: «Молодежь — барометр партии». Молодые режиссеры делают вещи, которые не всегда пригодны для нормальной театральной эксплуатации, но они живые, у них не затуманиваются мозги... И меня это спасает.

— Где же их спектакли? В советские времена молодые режиссеры росли в академических театрах — а теперь они не видны.

— Они, как правило, работают на новых, небольших, малых сценах... Да и не только на них. Мой ученик Виктор Шамиров выступил отличный спектакль в Театре Армии и пошел нарксает: его зовут в «Современник», им интересуется Театр Вахтангова...

— Малые сцены дело хорошее, но настоящий театр работает не на сорок человек, сидящих в обычной комнате, а на тысячи зрителей. Но именно такой театр сейчас начинает доминировать — и его создают молодые. К тому же их часто хватает только на один хороший спектакль — Шамиров блеснул своим «Дон Жуаном», но все, что он ставил после, было куда слабее... Есть ли тут своя тенденция?

— Современники всегда недовольны театром. Но многое тревожит и меня. Я не люблю театр, который нам подарила последняя «Золотая маска», но люблю, когда спектакль создают для нескольких десятков зрителей. Для меня театр начинается тогда, когда возникает странное, уникальное ощущение духовного единства... Все остальное представляется собой какое-то другое искусство, которое надо судить по своим канонам.

— Еще недавно сцена была царской искусства: ее уважало общество, на ней вырастали большие актеры — на это работала вся система советского театра.

— Бродяев говорил, что аполкалиптическое мышление является национальной российской чертой. Театр нигде не денется: это великое и древнее искусство. И тот же Машков в будущем станет совсем другой величиной. Татьяна Чебанова-Пантьева

увольняли из Театра МГСПС за профнепригодность. Но некоторые ваши тревоги я вполне разделяю.

— А в самом «Ленком» вас ничего не тревожит? Любый театр обростает ракушками, в нем образуются какие-то традиции, нарастает усталость...

— Нам удалось вывести на хороший уровень нашу молодежь: «звезды» разбежались было в разные стороны — и туда их приглашают, в сюда — но мы вышли из положения. Несколько лет назад в «Ленком» вышел спектакль «Живитьба Фигаро», где не было ни одной знаменитости, — и у нас сразу стало на несколько «звезд» больше. А ракушками обрастает любая сцена: всякий репертуарный театр стремится к разрушению. В него надо постоянно вкладывать силы, деньги, сличивать и возмущивать труппу — в противном случае он очень быстро деградирует и разлетается на части. Есть и еще одна подлая особенность. В русском театре многое определяет художественный лидер — его старение и плохое самочувствие бьет по большому количеству людей, которые но должны нести за это ответственность...

— Вы не хотите пустить на свою сцену молодых режиссеров?

— Нам с ними не везло. Сейчас у нас репертуар Роман Самгин, и я отчетливо борюсь с иждивенческим настроением моих артистов: если ставит Захаров, то будет резонанс, если работает кто-то другой, есть большая угроза второго сорта... Я пытаюсь разработать какую-то разумную стратегию: с одной стороны, мне нельзя оставить Романа одного, с другой, я легко могу его задавить — мы все же выступаем в разных весовых категориях.

— Вы очень успешный человек, но мне порой кажется, что в профессии режиссера вы до конца не реализовались...

— У меня есть «Докhodное место», есть «Тиль», есть крепко стоящий на ногах, сформировавшийся театр. Есть «Мистификация» — премьера нынешнего сезона, которой я доволен. Я надеюсь, что Богу этого не будет мало.

Александр Филиппов